

кѣми дарами и весьма благодарѣ ево. І веселились немалое время. А повеселясь, захотелось Ильѣ Муромцу сыну Ивановичю погуляти по чистому полю розѣдѣти, и ѡпросѣя у князя Владимира. И князь Владимиръ Киевской подарилъ ему (л. 83, об.) слугу верново, бѣатыря, именемъ Торопа і ѡпустилъ ево с честью і велѣ с собою взять что хочетъ дене, бѣатырскѣ доспѣ. И слуга ево верной Торопъ осѣла коней бѣатырскѣ, а под Илью Муромца седлаеть седельчко черкасское, пштники бухарскія, у седла попруги шелковыя, пряжечки серебряныя, спенечки у пряжечекъ и стремена булатныя. А са приговариваетъ: Шелкъ не рвѣца, (л. 84) а булатъ не гнѣца, а чистое серебро не ржавиет. І поехалъ и славного города Киева, переска, киваетъ чрѣ стену белокаменную, и подымается ево доброй конь, аки дым стѣбѣ. І поехалъ далече в чистое поле за горы высокия, за лѣсы за темныя. Скакали пониже облака ходячего, повыше лесу стоячего, горы и доли промежь ногъ пускалъ и приехали на чистое поле, (л. 84 об.) и тут ставили шатры полотняныя. И спалъ молодець Ильѣ Муромецъ 3 дни и 3 нощи, а слуга ево Торопъ на карауле стоялъ. И слыши в поле далече конской топотъ ржаніе і человеческой шу, крикъ великой. И будить Илью Муромца. І ту встаетъ молодець, и умывается водою ключевою, утирается полотнечко, молища чужимъ образомъ, поклоняется на все четыре стороны, а самъ вговоритъ таково слово: Хотя я дого спалъ, да впору всталъ і на срокъ поспелъ (л. 85). І приказываетъ своему верному слуге Торопу, что поехад далече в чистое поле и осведомѣся, нѣли какой силы, не идутъ ли на святую Русь. И слуга скоро побегалъ і, недобежавши силы, испугася, скоро возвратѣся назадъ. Гой еси ты, гдѣрь мой батюшко, Ильѣ Муромецъ сынъ Ивановичъ, идетъ сила великая звериная на святую Русь; наперѣ идетъ страшнѣ і люты зверь, изорту у него огонь и польмя пышетъ, (л. 85 об.) а и поздрей у веря часты искры сыплютъ, из ушей у веря аки ды с обѣ. І што зговоритъ ту Иѣ Муромецъ сѣ Ивановичъ: Гой еси ты, слуга мой верной, Торопъ, силы у тебя есть противъ меня, а скоро пужаешь: вѣтъ, идетъ тутъ в поле Тухманъ црѣ со своею силою босуманскою, а не стадо звериное. И выходитъ и бѣла шатра полотняного і приказываетъ сѣлатъ добраго коня своего. И слуга беретъ скоро добра (л. 86) коня, кладетъ на него поничекъ бухарской, сѣлаетъ седельчко черкасское, потягиваетъ попруги шѣковыя, шелку шемаханского, пряжечки серебряныя, спенечки у пряжечекъ булатныя. А садѣся Ильѣ Муромецъ скоро на своего добра коня, и втыкаетъ в ма сыру землю свое копие мурзавецкое, и повесилъ на него ширинку миткалинную, наказываетъ своему верному слуге Торопу: Буде и моей ширинки мѣкалинной потечетъ кровь горячая, то буду убѣ, доброй молодець (л. 86 об.) Ильѣ Муромецъ сѣ Ивановичъ; буде же оная ширѣка мѣкалинная висѣ как хѣтия бѣлая, то я жиѣ есть. І прибежа скоро и побилъ сперва суперника и нѣруга, царя Тумана, а потомъ напускаетъ на всю силу босуманскую. А слуга Торопъ пробудѣся со сна, взглянувъ на ширѣну миткалинную, и показалось ему, якобы по ней идетъ крѣ горячая. И садѣся для поспешения на своего добра коня и бѣ седла. І прибежа к той (л. 87) боевой силѣ, ажко еадит, шумуетъ и винтуетъ на коне